

Р. Н. Рахимов

БАШКИРЫ И КАЛМЫКИ В ПРУССКОМ ПОХОДЕ 1807 г.

Тильзитский мир завершил боевые действия России и Пруссии в войне с наполеоновской Францией. Несмотря на неудачи, русские войска показали массовый героизм, отвагу и самопожертвование, заслужив уважительное отношение со стороны противника. Вместе с тем эта проигранная война дала новый опыт для армии, заставила многих офицеров задуматься о вопросах стратегии и тактики будущей европейской войны, многие из этих планов и идей были успешно реализованы в 1812–1814 гг.

Для кочевников юго-востока России, башкир и калмык, эта война была первой во многих отношениях: первой в XIX в., на которую они были направлены, первой при императоре Александре I, первой после введения кантонной системы управления, первой, в которой предполагалось их массовое участие. Всего на войну было откомандировано 10 тыс. башкир во главе со своими кантонными начальниками, вместе с ними были направлены в армию ставропольские (крещеные) калмыки¹. Вооружение степных воинов было традиционным — лук и стрелы, незначительное число имело сабли и пики, единицы — огнестрельное оружие, в основном в виде фитильных ружей на высоких сошках. В силу обстоятельств башкирская и калмыцкая конница прибыла на театр военных действий поздно, поэтому она успела принять участие в последних боях лета 1807 г. Появление в составе русской армии кочевников, имевших средневековое оружие, не прошло незамеченным для её участников. Опыт привлечения кочевников для войны в Европе был реализован в 1812–1814 гг., когда в составе русской армии воевало 20 башкирских, 2 мишарских, 2 тептярских, 4 крымско-татарских, 2 калмыцких

¹ После принятия крещения переселены в XVIII в. из Астрахани. Названы по крепости Ставрополь-на-Волге, ныне г. Тольятти.

(астраханских) и один ставропольский калмыцкий пятисотенных полков. И именно после этой войны в военную историю вошло прозвище, которое французы дали башкирам, — «Северные амуры».

Историография участия башкир в военных действиях в 1807 г. невелика. Сразу после войны, и некоторое время спустя, были опубликованы работы современников этих событий, в которых в той или иной степени описывалось участие башкир в войне, давалась ему оценка. Офицер Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, впоследствии генерал-майор П. А. Чуйкевич, в 1810 г. опубликовал работу, в которой подробно описал действия башкирской конницы. В основу этой книги был положен «Журнал», который автор вел, находясь в составе корпуса М. И. Платова². Английский офицер, находившийся при русской армии, сэр Роберт Т. Вильсон также наблюдал башкир в бою 4 июня 1807 г. и в своей работе, вышедшей в 1810 г., отметил, что они «с большим эффектом атаковали отряды врага, захватив пленных»³. В 1839 г. другой участник событий, известный поэт-партизан Д. В. Давыдов, опубликовал в первом томе сборника «Сто русских литераторов» свои воспоминания «Тильзит в 1807 году». Давыдов, красочно описав случай ранения французского подполковника башкирской стрелой в нос, в целом отнесся пессимистично к самому факту использования национальной конницы, имевшей средневековое оружие, против современной армии⁴. В официальной историографии участие башкир в бою с наполеоновской кавалерией под Тильзитом зафиксировал А. И. Михайловский-Данилевский⁵.

В советской историографии об участии башкир в боевых действиях 1807 г. в центральных изданиях не писалось ничего, а в региональных это участие просто констатировалось, причем все авторы опирались в качестве источника на опубликованные ранее воспоминания Чуйкевича, Давыдова, Вильсона⁶. В какой-то мере большей новизны в освещении темы достиг

² Чуйкевич П. А. Подвиги казаков в Пруссии. СПб., 1810.

³ Wilson R. Brief remarks on the character and composition of russian army and sketch of the compaigns in Poland in the years 1806 and 1807. By sir Robert Wilson. London, 1810. P. 40–41.

⁴ Цит. по изд.: Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году» // Сочинения в трех томах. СПб., Ежемесячное приложение к журналу «Север» за январь 1893. Т. 1. С. 294–296.

⁵ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806–1807 гг. СПб., 1846. С. 343–344.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. 1. Ч. 2. С. 64–65; Матвиевский П. Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года. Исторические очерки. Оренбург, 1962. С. 128–129; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 18–19; Асфандияров А. З. Участие башкир в войнах и походах России в период кантонного управления // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 75–78; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 391; Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005. С. 68–69.

А. З. Асфандияров, дополнивший материал именами отличившихся воинов, выявленными в архивных документах.

В современной отечественной историографии участие башкир в войне 1806–1807 гг. начало приобретать иной вид. Так, В. Н. Шиканов считает, что непосредственно боя башкир с французами не было: «В ходе преследования французы впервые столкнулись с прибывшими к русской армии башкирскими лучниками. Офицеров, наслышанных о войнах рыцарской эпохи, ошеломила туча стрел, повисших в небе. Впрочем, всему свое время. Просвещенные представители XIX столетия попытались наказать “варваров” клинками, но степняки не приняли ближнего боя и исчезли за дальними холмами»⁷. В. И. Лесин в научно-популярной книге о донских казаках, рассказывая об участии башкир в боях под Тильзитом, ограничился цитированием Чуйкевича и «Журнала военных действий императорской российской армии»⁸. В. А. Кузнецов вообще усомнился в цифре 10 тыс. башкир, направленных в Пруссию, считая, что в 1807 г. была командирована всего тысяча человек, а в источники, сообщающие о большем числе воинов, вкрались описки и путаница, совершенные канцелярскими служителями⁹. Наше обращение к теме связано с текстологическим анализом регионального переиздания мемуаров Д. В. Давыдова, получивших искаженный и цензурированный вид, а также с развитием идеи активного применения иррегулярной кавалерии в будущей войне с Наполеоном, непосредственно связанной с тильзитскими событиями¹⁰.

О ставропольских калмыках в походе 1807 г. информация совсем скудна. Впервые попытался рассмотреть этот вопрос Г. Н. Прозрителев¹¹. Он сообщил сведения о вооружении, подготовке к походу, участии калмык под командой майора Баглюнова в бою под Тильзитом. Некоторые сведения

⁷ Шиканов В. Н. Первая Польская кампания. 1806–1807. М., 2002. С. 282.

⁸ Лесин В. И. «Ваше величество, это казаки...» М., 2007. С. 130; Журнал военных действий императорской российской армии с начала до окончания кампании, то есть с ноября 1806 по 7 июня 1807 года. СПб., 1807.

⁹ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара — Челябинск, 2008. С. 338.

¹⁰ Рахимов Р. Н. Назад в будущее, или «Тильзит в 1807 году»: текстологический анализ одной публикации // Modern history. Партийно-политическая, духовная история и общественные движения в странах Запада и Востока. Уфа, 2007. Вып. VIII. С. 98–107. Региональная публикация с искажениями и купорами, о которой идет речь: Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году» // Башкирия в русской литературе. В шести томах. / Предисловие, биографические справки, комментарии и библиография М. Г. Рахимкулова. Уфа, 1989. Т. 1. Рахимов Р. Н. Башкирская конница под Тильзитом: Краткая встреча — долгое эхо. (К проблеме участия иррегулярной кавалерии в наполеоновских войнах) // Проблемы войны и мира в эпоху нового и новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): Материалы международной научной конференции. СПб., 2008. С. 184–187.

¹¹ Прозрителев Г. Н. Военное прошлое наших калмыков. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года // Труды Астраханской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1912. Вып. III.

о калмыках в походе 1807 г. сообщил Т. И. Беликов¹². В известной степени, опубликованный материал обобщил В. А. Кузнецов¹³.

Зарубежная историография оставила тему присутствия национальной конницы в составе русской армии и её участия в боевых действиях 1807 г. без всякого внимания.

Исследование участия иррегулярной, тем более национальной конницы в наполеоновских войнах имеет одну особенность — это слабая источниковая база. Из опубликованных источников известен «Журнал» П. А. Чуйкевича под названием «Подвиги казаков в Пруссии в 1807 г.», он в настоящее время хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде «Собрание Генерального Штаба»¹⁴. К тексту приложена рисованная карта Пруссии. «Журнал» переплетен в красную кожу с золотым тиснением, на нем имеется экслибрис библиотеки Генерального Штаба. Перекрестное сравнение текста «Журнала» и ряда архивных документов, а также записок Р. Вильсона подтверждает достоверность этого источника. Кроме Чуйкевича и Давыдова о башкирах в походе 1807 г. в своих мемуарах упоминают князь И. М. Долгоруков и участник боевых действий князь С. Г. Волконский¹⁵.

Непосредственно архивные источники буквально рассыпаны по разным фондам Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва) и Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (ЦГИА РБ, г. Уфа). Обращение к фондам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ, г. Москва) позволило нам обнаружить в фонде «Военная канцелярия генерал-губернатора» коллекцию документов, связанных с походом в Пруссию башкир и калмык, отложившихся в компактном виде.

До сегодняшнего дня остаётся открытым вопрос о том, кто стоял у истоков принятия решения об отправке национальной конницы в русскую армию. На наш взгляд, император Александр I мог прийти к нему вполне самостоятельно. Но, с одной стороны, на него мог оказывать влияние генерал-адъютант и помощник начальника императорской Военно-походной канцелярии князь П. М. Волконский, которому Оренбургский военный

¹² Беликов Т. И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965. С. 118–120.

¹³ Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 284–285.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83.

¹⁵ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение. СПб., 2005. Т. 2. С. 16; Волконский С. Г. Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901. С. 54.

губернатор генерал от кавалерии князь Г. С. Волконский, имевший с ним переписку, мог предложить такой вариант. С другой стороны, министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов о башкирах и калмыках знал также достаточно хорошо. В 1794 г. он был исполняющим обязанности Симбирского и Уфимского генерал-губернатора, с 1795 г. командовал Оренбургским корпусом, а в 1796 г. был Оренбургским военным губернатором.

Формирование и отправка национальной конницы началась после получения указа Александра I от 9 ноября 1806 г. Оренбургскому военному губернатору князю Волконскому предписывалось командировать в армию «из числа обитающего при хребте гор Уральских иррегулярного войска команды» в общем количестве 5 тыс. человек с чиновниками¹⁶. Речь шла о башкирах и пятисотенной команде ставропольских калмыков (560 человек рядовых, вместе с чиновникам — 600 человек). Затем, 24 января 1807 г., последовал второй указ императора об отправке еще 10 пятисотенных башкирских команд, т. е. 5 тыс. человек, это были так называемые «команды второго наряда». Волконский в качестве сопровождающих прикрепил к командам штаб- и обер-офицеров регулярных частей Оренбургской инспекции.

Формирующиеся и отправляемые к армии башкирские команды получили свои порядковые номера. Первыми в 9 башкирском кантоне были сформированы две пятисотенные команды, вышедшие в поход 27 декабря 1806 г. В своём рапорте командир этих команд Рыльского мушкетерского полка майор Данисьев указал, что в них «люди молодые и могут быть к службе расторопные, и вооружены по их обыкновению саблями, стрелами, и копьями, каждый о дву конь, но лошади весьма посредственны и притом худо кормленные, так как по азиатскому их обыкновению ходят оные лошади лето и зиму в степи и кормятся более подножным кормом»¹⁷. Это были 1-я команда кантонного начальника поручика Бурангула Куватова, состоявшая из кантонного начальника, старшины, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, муллы, 10 пятидесятников, 490 рядовых, 1004 лошадей, и 2-я старшины Аксувака Узебаева, состоявшая из старшины, 5 есаулов, 5 сотников, 5 хорунжих, квартирмейстера, писаря, муллы, 10 пятидесятников, 469 рядовых на 962 лошадях. 3-ю и 4-ю из 6 башкирского кантона и 9-ю возглавил Уфимского мушкетерского полка майор Кандауров. Московский комендант при прохождении их через город произвел им 25 февраля 1807 г. смотр, отметив, что «люди довольно хороши и здоровы,

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126–126 об. Все даты, кроме специально оговорённых, приводятся по старому стилю.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2185. Л. 103.

но лошади с форсированных маршей тощи, но впрочем здоровы»¹⁸. 8-ю возглавлял капитан Украинцов, 10-ю команду — майор Феофильтьев.

В Ставропольском калмыцком полку согласно рапорту от 15 января 1807 г. его начальника, войскового атамана майора Баглюнова, после смерти на марше одного человека, состояло людей 599, а лошадей 1 226¹⁹. Все 10 башкирских команд подчинялись, вместе с калмыками полковнику князю А. В. Уракову, шефу Ревельского мушкетерского полка, до этого времени служившему в полках Оренбургской инспекции Уфимском и Рыльском. Одновременно с башкирами и калмыками, с Оренбургской линии к армии 26 декабря 1806 г. был откомандирован 1-й Тептярский конный казачий полк.

Команды «второго наряда» возглавляли: 11-ю из 9 башкирского кантона адъютант Оренбургского военного губернатора капитан Н. А. Темиров (Темирев); 12-ю Рыльского мушкетерского полка поручик Янышев; 13-ю 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Моисеев; 14-ю Кизильского гарнизонного батальона поручик Усревецкий; 15-ю 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Шефлерев; 16-ю Рыльского мушкетерского полка капитан Некрасов; 17-ю Уфимского гарнизонного батальона штаб-капитан Петровский; 18-ю 2-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор С. А. Вильчик; 19-ю 3-го линейного Оренбургского гарнизонного батальона майор Руднев; 20-ю Уфимского мушкетерского полка поручик Мальковский²⁰. Все они также должны были явиться в команду князя Уракова.

14 марта 1807 г. командование всеми национальными частями было возложено Александром I на генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Репина²¹. Он произвел осмотр находившихся на кантонир-квартирах команд. Его рапорт от 22 апреля 1807 г. показывает, что в командах башкир с 5-й по 10-ю состояло налицо: штаб-офицеров — 2, обер-офицеров и старшин — 105, пятидесят-

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 33.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2799. Л. 46.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 33; Д. 2892. Л. 321; Д. 2898. Л. 5, 7, 9, 185, 186, 188.

²¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 226. И. И. Репин — генерал-лейтенант, впоследствии сенатор. Участвовал в военных действиях в Архипелаге в 1770–1773 гг., в подавлении движения Е. И. Пугачева в 1773–1775 гг., в русско-шведской войне 1788–1790 гг., в военных действиях в Польше в 1794 г. В ноябре 1797 г. — генерал-майор, в мае 1799 г. — генерал-лейтенант. Участвовал в 1800 г. в ревизии атаманских дел на Дону и казни Е. Грузинова и его людей, за что подвергся опале как превысивший свои полномочия. С 1801 г. он был в отставке. В 1807 г. принят на службу генерал-лейтенантом по армии для командования и приготовления к походу тридцати башкирских и десяти калмыцких команд, расположенных во внутренних губерниях, но, по заключении с Францией мира, войска были распущены, а Репин получил Высочайшую благодарность. 22 июля 1808 г. генерал был назначен комендантом Баку. С 1811 г. — в отпуске, с 1813 г. направлен в Могилевскую губернию для скорейшего исследования беспорядков, произведённых в Белоруссии Малороссийским ополчением под командою графов Гудовичей. С февраля 1816 г. — сенатор. Умер 24 ноября 1832 г. в Санкт-Петербурге. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Георгия 4 ст., Св. Анны 1 ст.

ников — 66, рядовых — 2866, лошадей строевых — 2993, вьючных — 2771. Больных насчитывалось 60 человек рядовых²². Известно, что на 21 января башкирские команды имели свои кантонир-квартиры в Орловской губернии: № 1 в Мценске, № 2 в Болхове, № 3 в Карачеве, № 4 в Дешкине, № 5 в Трубичевске, № 6 в Дмитровске, № 7 в Кромах, № 8 в Малоархангельске. В Курской губернии находились команды № 9 (место квартир неизвестно) и № 10 (в Дмитриеве). Откомандированные из Оренбургской губернии в это же время на войну с Турцией 1-й Уральский казачий полк стоял в Рыльске, 2-й — в Путивле, 1-й Оренбургский — в Льгове, 2-й Оренбургский — в Судеже. Ставропольские калмыки находились в Севске Орловской губернии, 1-й Тептярский полк — в Белопольске на Слободской Украине²³. Затем 1–4-я команды были направлены в Вильно.

11–20-я башкирские команды вышли в поход в апреле 1807 г. Каждой из них из Провиантского департамента на провиант было выдано 2 тыс. руб. Продовольствование лошадей определялось ещё павловскими нормами от 19 сентября 1797 г. Согласно им, при нахождении иррегулярного войска в походе «от домов своих далее ста верст, то лошади удовольствуются сухим фуражом только зимнее время по климатам, фураж отпускается в натуре единственно на строевых лошадей, а на вьючных платятся деньги по тем ценам, по каким сено и овёс заготавливаются, летнее же время они находятся на подножном корме»²⁴.

Во время марша башкирских команд возникли различные проблемы. Маршруты передвижения, расписанные в штабах, не учитывали реальной пропускной способности дорог и особенно паромных переправ. Отсутствие резервных запасов продовольствия и фуража на местах следования, в случае задержки с отправлением, вело к насильственному захвату у обывателей фуража и провианта башкирами. Эту ситуацию ярко описал И. М. Долгоруков, в то время владимирский губернатор: «Желая пугать французов всем тем, что в России страшно, начальники военных департаментов рассудили выпустить против них башкир, как шавок на медведей. Пошли калмыцкие орды из всех оренбургских улусов на цесарские и прусские границы. Дикие эти народы огромную поставили конницу, и все это нестройное войско проходило в самое разлитие вод через Володимир. Каждый день похода был так учтен, с такою точностию назначен, как бы в хорошую погоду. Ни метели, ни разливы рек, ни топкие дороги, ничто не удерживало, и за самые даже естественные препятствия губернатор мог опасаться негодования. Паромов было довольно везде, но для обыкновенного упо-

²² ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 300.

²³ Там же. Л. 218.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 54 об.

требления, для почты и проезжих. На такую тьму народа потребно было бы заготовить их больше, на это надобно время, а недосуги петербургские мешали там все обдумать заранее. Как легче того, что все взвалить на отчет губернатора, назвав его хозяином? Отговорки не принимались. Десять тысяч башкир и вдвое больше лошадей опустошили все наши пажити и открывшиеся после снега поля. Явилось повсеместное хищение. Башкир отнимал и грабил, я получал жалобы и принужден был бросать их в камин, потому, что не было в те дни уже ни суда, ни расправы, и военные чины делали, что хотели. Сам я нередко в бурю и непогодь принужден был переправляться с толпой башкир с берега на другой и обратно, чтоб усилить действие полиции, которой они не слушались, моим присутствием и оберегать жителя городского от их наглости. Прекрасное войско! Отнимет и уйдет. Одной нагайки не боится, она самое лучшее его орудие, а от огня бежит, как чорт от ладана. Иные бросают стрелы и щеголяют тетивой, но что могут они против хорошей медной пушки, когда она ядром туза пошлет? Слонялись они долго, обременили военную кассу, разорили все на путях своих и воротились домой, не принеся ни врагам страха, ни друзьям прибыли»²⁵. В сентябре — октябре 1807 г. шло расследование претензий обывателей Богородского уезда Московской губернии за забранный у них иррегулярными войсками провиант и фураж. Речь шла о 11 квитанциях, данных башкирскими командами в приеме от обывателей безденежного провианта и фуража. По рассмотрении оказалось, что в некоторых из них не обозначено по времени, что забрано, и по каким ценам, кроме того, квитанции не были засвидетельствованы чиновниками земского суда. В конечном итоге было решено выплатить обывателям 3 556 руб. 93 $\frac{3}{4}$ коп.²⁶

Вторая проблема, с которой пришлось столкнуться во время марша, — незнание русского языка башкирами, их иногда агрессивное поведение, вследствие чего возникновение беспорядков, конфликта с местным населением. Ситуация дошла до императора, и министр военных сухопутных сил 13 февраля 1807 г. сообщил Московскому военному губернатору Т. И. Тютюмину «монаршию волю» по этому вопросу, «чтобы из Московского гарнизонного полка выбрали вы надежнейших по своему усмотрению штаб или обер-офицеров и определили их в начальники тем пятисотенным башкирским полкам»²⁷. В апреле шло разбирательство по поводу убийства в слободе Михайловке соцкого Ивана Бутова и тяжелого ранения малороссиянина Данилы Зибина башкиром 9-й команды Ситумеем Мулакаевым²⁸.

²⁵ Долгоруков И. М. Указ. соч. Т. 2. С. 16.

²⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2947. Л. 6 об.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2858. Л. 168.

²⁸ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2892. Л. 315.

Еще одной сложностью стали внутренние конфликты в полку и командах, которые приходилось разрешать военному командованию. Так, башкиры 11-й команды подали жалобу на капитана Темирова, считая, что он присвоил себе фуражные деньги, из-за чего они были вынуждены покупать корм на свои, а также что он нанёс некоторым из них побои. Разбирательство, проведённое Московским комендантом И. Х. Гессе в апреле 1807 г., показало, что на самом деле башкиры хотели получать деньги на фураж на палых лошадей, что «при осмотре никаких знаков на теле и ушибу не нашлось, а неудовольствие башкирцы имеют на онаго капитана Темирова больше за то, как и лично мне сами объявили, что во время трехсуточного растаха их в городе Володимире, он, Темиров, имея от начальства препоручение, сколько можно их обучить к фрунтовым движениям, и во время учения за ошибки их ударял, отчего у некоторых переломилось по несколько стрел деревянных, а у одного башкирца колец от сабли переломился тогда когда он поскакал, а от того и лошадь у него споткнулась; то на таковой случай сделал я оному капитану свое замечание, дабы он впредь поласковее с ними обращался»²⁹. Ранее, в марте, чиновники Ставропольского калмыцкого полка жаловались на войскового атамана майора Баглюнова «о разных его якобы несправедливостях и притиснениях»³⁰. В мае Гессе разбирал конфликт, случившийся в 13-й башкирской команде. Майор Моисеев запрещал старшине Мугулле Игликову употреблять спиртное, тот возмущал против майора башкир. При расследовании оказалось, что башкиры офицером довольны, сам старшина до этого времени считал себя начальником, а майора только провожатым. В итоге было учинено «миролюбивое письменное согласие», в котором башкиры и старшина обещали слушаться во всём майора Моисеева³¹. В мае из 12-й команды поручика Янышева, стоявшей в Болхове, «отлучились» 20 башкир³².

Особую проблему составляло слабое вооружение. Военное руководство принимало различные меры для его улучшения. Так, для обучения навыкам стрельбы из огнестрельного оружия, по высочайшему повелению, объявленному в феврале 1807 г. инспектором артиллерии графом А. А. Аракчеевым, было назначено отпустить на комплектные патроны порох, свинец и бумагу, но не больше чем на 50 патронов для каждого человека, исходя из расчета, что одна половина будет ружейные, а другая пистолетные. Отпуск пороха, свинца и бумаги производился от артиллерийских команд в Оренбурге, Казани, Москве. Предписывалось на обуче-

²⁹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2892. Л. 86.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 254.

³¹ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 120–120 об.

³² Там же. Л. 220.

ние отпускать каждому человеку пороху мушкетного по фунту, а свинца по 24 золотника³³. Кроме того, указом от Военной коллегии по Комиссариатской экспедиции было решено приготовить «для калмыкских команд» 5 тыс. пик. Для принятия их в октябре 1807 г., уже после окончания военных действий, комиссия Московского комиссариатского депо назначила комиссионера 12 класса Куломзина, который приняв их, отправил в артиллерийский арсенал, поскольку, как оказалось, иррегулярная конница имела этот вид вооружения³⁴.

Несмотря на различные проблемы, в целом сбор и отправление такого большого войска был произведен быстро и организованно. Оренбургский военный губернатор справился с поставленной задачей и продолжал вести подготовку башкир к возможной новой командировке. Это видно из «Ордера начальнику 3-го башкирского кантона о подготовке к войне с Францией» от 28 марта 1807 г., в котором он писал: «Верноусердное войско башкирское, ревнуя со отчим и держась примера предков их, отправило уже отличных воинов десять тысяч человек к армии. [...] К точному исполнению сего и прилежному за подчиненными вашими наблюдению, предлагаю вам с тем, чтоб все состоящие в кантоне вашем чиновники и башкирцы, кои по летам их и по здоровью годны к верховой езде и действию оружием, по получении сего предписания немедленно возымели попечение приготовить себе пик, чтоб как в лошадях, равно и оружию особливо пики и садаки со стрелами, употребляемые наиболее к действиям военным башкирцами, были в совершенной исправности, и ни малейшей поправки же не требовали. Не менее нужно чтоб и сабли, и у кого есть ружья тоже исправить, и, словом, поставить каждой себе обязан так, чтоб в прямом виде составляли из себя воинов и готовых всегда сесть на конь и действовать противу неприятеля»³⁵.

14 марта 1807 г. Вязмитинов сообщил: «Для усиления легкими войсками армии под командованием г. генерала от кавалерии барона Беннингсена действующей, его императорское величество высочайше повелеть соизволил, чтобы [...] из числа прибывающих в определенные по прежнему назначению места пятисотенных Оренбургского войска башкирских команд, тем, которые уже имеют больше времени взять отдохновения и исправиться, и в которых найтись может более искусных стрелков из ружей, не делая одинакож выбора им из разных, но целыми пятисотными командами с получения сего [...] отправили каждую особо прямыми путями к городу Виль-

³³ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126–126 об. О получении пороха, свинца и бумаги свидетельствует рапорт майора Руднева: ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 135.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2947. Л. 17 об.

³⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 304А. Л. 161–161 об.

но в команду генерала от инфантерии Римского-Корсакова»³⁶. Кантонир-квартиры, освободившиеся от отправленных к армии команд, по мнению царя, должны были занять команды «второго наряда», а «о фураже и подножном корме распорядиться так, чтобы лошади были сыты, но не на словах, а на деле»³⁷. На фоне военных неудач Александр I стремился использовать все возможные силы для борьбы с противником.

4 июня 1807 г. с корпусом М. И. Платова соединились две башкирские пятисотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк под общим командованием полковника князя А. В. Уракова. Это были 1-я и 2-я башкирские команды 9 кантона поручика Б. Куватова и старшины А. Узебаева. Они приняли участие в бою под Велаяу. Вот как об этом сообщается в «Журнале» Чуйкевича:

«В полдень (4 июня. — *P. P.*) неприятель под прикрытием артиллерии во многих местах переправился через реку (р. Прегель. — *P. P.*) по понтонам. Кавалерия правого фланга под командою дивизионного генерала Груши пошла двумя колоннами в верх Прегеля берегом, в намерении атаковать левой фланг казаков. Генерал Платов, уступая рвению кантонных начальников башкирских команд, приказал князю Уракову напасть с ними на французов. Башкирцы чувствительны были к сему назначению и выполнили приказание с отличным мужеством. Несколько охотников, владея ружьем, завели с неприятелем перестрелку, выманивали его, дали к деревне Колм, и разохотили французские эскадроны к преследованию новых невиданных ими людей. Одна башкирская команда стояла за возвышением, за которым трудно ее было видеть, другая подпустив неприятеля в довольное расстояние пустила в кавалерию несколько сот стрел, скрытая же команда сделала потом быстрый поворот на право и ударила дротиками во фланг неприятелю, который не мог устоять, будучи изумлен и замешан новостью оружия, с которым против него действовали. Башкирцы гнали кавалерию до самой пехоты, принудив их сильным огнем оставить конницу, которой они не давали пощады»³⁸. Как видно из описания боя, башкиры применили традиционный приём степной войны, перенятый у кочевников казаками и получивший у них название «вентерь». Характер использования оружия был также традиционным — обстрел стрелами, атака и преследование с использованием пик. Новацией были застрельщики, вооруженные огнестрельным оружием, для башкир редким.

³⁶ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 222 и об. Генерал от инфантерии А. М. Римский-Корсаков являлся Виленским губернатором, ему были поручены войска резервного корпуса, находившиеся в губерниях Виленской, Гродненской, Минской.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2898. Л. 142.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83. С. 83–84.

Если Чуйкевич и Вильсон были удовлетворены атакой национального войска, то у Давыдова прибытие башкир не вызвало большой радости. Он сообщает: «В этот день, как будто для развлечения нас от неблагоприятных обстоятельств, прибыло в арьергард несколько башкирских полков, только что пришедших в армию. Вооруженные луками и стрелами, в вислоухих шапках, в каких-то кафтанах вроде халатов и на лошадях неуклюжих, малорослых и тупых, эти жалкие карикатуры удалых черкесских наездников, присланы были в арьергард, — как нас уверяли тогда, — с намерением поселить в Наполеоне мысль о восстании на него всех народов, подвластных России, и тем утратить его»³⁹.

После боя, судя по «Журналу», башкиры вместе с казаками занимались маскировочными работами — ночью разводили костры, имитируя лагерь русских войск. Чуйкевич сообщает имена командиров башкирских команд — майор 29-го Егерского полка Данкеев и кантонный начальник, поручик Бурангул Куватов, а также общее количество пленных — 12 обер-офицеров и 181 солдат, взятых в июне корпусом Платова⁴⁰. 7 июня под Тильзитом в боевых действиях успешно участвовали ставропольские калмыки. На этом, собственно, боевая служба башкирской и калмыцкой конницы в 1807 г. завершилась. «Формулярный список о службе чиновников и урядников 9 башкирского кантона за 1838 г.» сохранил несколько имен участников Прусского похода 1807 г., доживших до этого времени: Муса Кучербаев, Аислям Тулакаев, Ирناзар Давлетчурин, Утяубай Абдулкаримов, Искандер Ярлыкапов, Нигаметулла Бердыбаев, Кунафия Кутлугильдин из 1-й команды, Буранбай Буракаев из 3-й команды⁴¹.

Для национальных войск, как и для всей российской, а также французской армий начались «представительские функции». Пока шли переговоры, императоры демонстрировали друг другу свои войска. 25 июня (7 июля по н. ст.) 1807 г. Александр I во время одной из встреч с Наполеоном представил ему свою иррегулярную кавалерию. Сохранилась картина французского художника П. Н. Бержере «Александр I представляет Наполеону калмыков, казаков, башкир 9 июля 1807 года» (дата приведена по н. ст., работа написана в 1810 г., Музей Версальского дворца), на которой изображен русский император, представляющий Наполеону 27 июня командиров иррегулярной конницы. После этого представления башкиры на площади демонстрировали джигитовку, в процессе которой скакали вокруг брошенной в центр

³⁹ Давыдов Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 294–296.

⁴⁰ 29-й Егерской полк, участвуя в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., находился в это время в составе Дунайской армии. Командиром полка был подполковник Михаил Васильевич Данкеев. Майор Данкеев, возможно, приходился ему родственником.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 14622.

круга шапки, стреляя в неё стрелами. В результате образовался своеобразный «ёж» из стрел, подаренный ими Наполеону; свой лук подарил ему также и М. И. Платов. Итогом этого знакомства были предложения Наполеона Александру направить казаков в поход на Индию, а также более внимательное отношение его военных агентов к положению казачества в России, с расчетом возможного привлечения казаков на свою сторону в случае войны⁴².

С башкирами познакомились не только Наполеон и его свита. С. Г. Волконский свидетельствует о посещениях бивака башкир французами: «На берегу Немана, против Тильзита, был расположен лагерь вновь пришедших башкирских казачьих полков. Странность наружности и обычаев их весьма занимала посещающих французов, и как эти башкирцы были вооружены, кроме обыкновенного огнестрельного и белого оружия, луками и стрелами, французов весьма занимали игрища их этим незнакомым для них оружием»⁴³. Судя по другой информации, одновременно с демонстрацией французам военной мощи империи, в Тильзите Платов утешал расстроенную королеву Пруссии Луизу, прислав к ней казаков, калмыков и башкир, «которые похожи на китайцев»⁴⁴. 31 июля князю Уракову было дано предписание отправляться с иррегулярной кавалерией кратчайшим маршрутом к своим жилищам.

Для российской стороны этот краткий опыт привлечения национальной и иррегулярной конницы был необычайно продуктивен. В апреле 1812 г. Чуйкевич подал аналитический проект военных действий под названием: «Патриотические мысли или Политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсуррекцию посредством вооруженной Экспедиции». В нем он рекомендовал «вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык [...] уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки и решительность в продолжении войны»⁴⁵. Основное его предложение — поднять в Германии инсуррекцию, т. е. вооруженное восстание путем направления туда «летучих отрядов из легких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск». Они должны были, по мнению Чуйкевича, прорывать беспрестанно

⁴² Безотосный В. М., Иткина Е. И. Казаки в Париже в 1814 году. М., 2007. С. 21.

⁴³ Волконский С. Г. Указ. соч. С. 54.

⁴⁴ Лесин В. И. Указ. соч. С. 140.

⁴⁵ Аналитический проект военных действий в 1812 г. П. А. Чуйкевича / Публ. В. М. Безотосного // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1996. Т. VII. С. 44–57.

операционную линию противника и действовать на флангах и в тылу его, истребляя все, включая запасы продовольствия и фуража. В составе легких войск автор видел донских казаков, иррегулярные части с Кавказской линии и Оренбурга, т. е. казаков, башкир, калмыков, крымских татар.

Если обратиться к мемуарам Давыдова в той части, где он рассуждает о возможной будущей войне, то найдём следующее: «При вторжении в какое-либо европейское государство регулярной армии нашей, восторжествовавшей уже несколько раз над войсками этого государства, — я не спорю, что тучи уральцев, калмыков, башкирцев, ринутых в объезд и в тыл неприятельским войскам, умножат ужас вторжения. Их многолюдство, наружность, обычаи, необузданность, приводя на память гуннов и Аттилу, сильно потрясут европейское воображение и, что еще не менее полезно, вместе с воображением и съестные и военные запасы противной армии»⁴⁶.

Нет оснований для сомнений в том, что эти мысли являются оригинальными, а не заимствованы Давыдовым, ведь проект Чуйкевича оставался секретным. Скорее всего, в таком духе рассуждали многие офицеры русской армии, анализируя варианты будущего столкновения с Наполеоном. К тому же у Давыдова и Чуйкевича было много общего. Оба были почти одногодками, оба были представителями легкой кавалерии (один — при казаках, другой — гусар), оба находились примерно в одном чине (штабс-ротмистра), оба были связаны со штабной работой (один — по квартирмейстерской части, другой адъютант), для обоих это была первая военная кампания, и оба хотели иного её завершения. В конечном итоге оба извлекли из неё представление о партизанской борьбе как форме ведения боевых действий, и один её предложил, а другой, независимо от него, её реализовал в 1812 г. Интересно, что впоследствии, 29 апреля 1812 г., генерал-адъютант князь П. М. Волконский передал в Вильно императору Александру I «План войны», составленный полковником К. Ф. Толем, в котором тот тоже предлагал создать казачий корпус в 20 тыс. человек для ведения партизанской войны⁴⁷.

Военное руководство также извлекло опыт из этих событий. Уже в 1811 г. были сформированы и направлены в армию 2 пятисотенных башкирских и Ставропольский калмыцкий полки. В 1812 г. на войну были отправлены дополнительно 18 полков башкир. Во время Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. были созданы и успешно воевали армейские партизанские отряды, состоявшие из регулярной легкой кавалерии (гусар, драгун) и иррегулярных войск — казаков, башкир, калмыков. Кроме того, казаки, калмыки и башкиры приняли активное участие в Заграничном

⁴⁶ Давыдов Д. В. Указ. соч. Т. 1. С. 296.

⁴⁷ Толь Е. Н. Генерал-квартирмейстер Карл Федорович Толь в Отечественную войну. СПб., 1912. С. 16.

походе 1813–1814 гг., находясь в авангарде армий союзников. Башкирские полки участвовали в боевых действиях в Германии, Голландии, Франции. После вступления в Париж в 1814 г. император Александр I намеренно приказал разместить биваки башкир, калмыков и казаков на Елисейских полях. Массовое применение иррегулярной, национальной конницы, с одной стороны, демонстрировало всем сплоченность народов империи под властью русского царя, с другой — служило своеобразным напоминанием-угрозой о прежних волнах кочевников, наводивших когда-то ужас на Европу.

Помнил о национальной коннице и ожидал возможности её массового использования русским царём и Наполеон. В 1812 г. сразу после вторжения в Россию Александр I направил к нему генерал-адъютанта А. Д. Балашова. Во время обеда Наполеон задал ему, в частности, вопрос: «Сколько у вас полков киргизов?» Ответ Балашова его успокоил: «Нет, сир, у нас нет полков киргизов, но у нас есть, например два полка башкир и татар, которые похожи на киргизов»⁴⁸.

Д. В. Давыдов в 1821 г., развивая теорию партизанского действия, считал возможным употребление башкирских, калмыцких и татарских полков в наступательных партиях, на аванпостах, в главных и корпусных квартирах, а также в оборонительных партиях⁴⁹. В своей работе «О партизанской войне», вышедшей в 1836 г., он писал: «Огромна наша мать-Россия! Изобилие средств её дорого уже стоит многим народам, посягавшим на её честь и существование; но не знают ещё они всех слоёв лавы, покоящихся на дне её. Один из сих слоёв состоит, без сомнения, из полудиких и воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтора, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять тысяч природных наездников. Единое мановение Царя нашего — и застонут поля неприятелей под копытами сей свирепой и неутомимо-подвижной конницы, предводимой просвещенными чиновниками регулярной армии!»⁵⁰.

Прусский поход 1807 г. интересен также тем, что башкирская конница обрела свое европейское имя. «Северные амурь» — исторически сложившееся название башкир французами, а вслед за ними и большинства европейцев и россиян в эпоху наполеоновских войн. Оно было связано с традиционным вооружением башкир луком и стрелами, а также с небольшим

⁴⁸ Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М., 2006. С. 32.

⁴⁹ Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия. М., 1821. 2-е изд. М., 1822. Цит. по изд.: Давыдов Д. В. Опыт теории партизанского действия // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. С. 153, 155.

⁵⁰ Давыдов Д. В. О партизанской войне // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 3. С. 138–151. Цит. по изд.: Давыдов Д. В. О партизанской войне // Грозное оружие: Малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия русских военных мыслителей. М., 2007. С. 110.

ростом башкирской лошади, и возникло под влиянием господствовавшего в это время в культуре стиля ампир. Впервые название «северные амурь» [les amours du nord], или «злые купидоны», появилось в конце войны, после боя при Веллау, а также во время последующих контактов русской и французской армий при Тильзите, его зафиксировали Давыдов и Чуйкевич⁵¹. Это прозвище сначала, будучи насмешкой, имело уничижительный характер. Затем, под влиянием событий Отечественной войны 1812 г., оно приобрело иное, уважительное, значение. На карикатуре А. Г. Венецианова реалистично изображённый башкир, от которого в ужасе бегут французы, позиционируется уже как «северный амур» — герой войны. Заграничные походы 1813–1814 гг. лишь расширили географическое пространство использования этого прозвища. В 1814 г. в Париже французы называли башкир также и «сибирскими амурями» [les amour de Siberie]⁵². В русскую литературу «северный амур» вошел через стихотворение К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед», написанное в 1814–1815 гг. и опубликованное в шестом номере журнала «Амфион» за 1815 г. В советской историографии работы А. Н. Усманова, А. З. Асфандиярова, а в литературе исторический роман Я. Х. Хамматова «Северные амурь», посвященный событиям Отечественной войны 1812 г. и написанный с позиций пресловутого соцреализма, с обязательным показом классовой борьбы, утвердили в общественном сознании это название как исторический феномен⁵³.

Для непосредственных участников, башкир и калмыков, военного командования Прусский поход 1807 г. был и успешной демонстрацией европейскому противнику азиатской силы, и удачно проведённой репетицией будущей войны. Было не столь важно, что национальная конница практически не участвовала в боевых действиях. Она и её командиры получили бесценный опыт организации, быстро проведённой мобилизации и организованного марша к армии большой массы иррегулярной силы. В российской военной истории только в 1807 и 1812 гг. на войну были отправлены более 10 тыс. башкир. Некоторые офицеры регулярной армии — капитан Н. А. Темиров и майор С. А. Вильчик, возглавлявшие башкирские команды в 1807 г., — в 1812–1814 гг. командовали тептярским и башкирским полками.

⁵¹ Давыдов Д. В. «Тильзит в 1807 году»... С. 294; НИОР РГБ. Ф. 68. Д. 83. С. 83–84.

⁵² Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. М., 1835. Ч. 3. 1814-й год. Война во Франции.

⁵³ Усманов А. Н. Указ. соч.; Асфандияров А. З. Участие башкир...; Кантонное управление...; Хамматов Я. Х. Северные амурь. Уфа, 1983–1985. Ч. 1–2, в рус. пер. 1987.